

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

«Э то не ученая книга, а вопль русского человека, что его древнейшая история обрабатывается односторонне, исключительно под немецким углом зрения», — так сам Иван Егорович Забелин писал о книге «История русской жизни с древнейших времен». Это признание может показаться странным — но только если смотреть на него в отрыве от ситуации, сложившейся в отечественной историографии во второй половине XIX века.

Вокруг «варяжского вопроса» сломано великое множество копий, споры о том, как именно формировалась древнерусская государственность, продолжаются уже более двух веков. И если бы речь шла только об истории... Но ведь чисто исторические моменты зачастую подменялись политическими и идеологическими, и в этом случае установить истину становилось гораздо сложнее.

Вкратце: сторонники норманнской теории считают, что упоминаемые летописями варяги, пришедшие на Русь, — это норманны, выходцы из Скандинавии. Свои доводы норманнисты основывают как на данных летописей, так и на выводах лингвистических исследований. Те же доводы и источники используют и анти-норманнисты, но только народ русь и варяги, составившие раннюю элиту Древнерусского государства, они рассматривают не в качестве выходцев из Скандинавии, а как восточных или балтийских славян, финнов, пруссов и т. д.

Устанавливать, кто прав — не наша задача. У обеих сторон есть свои аргументы «за» и «против». Но в том то и дело, что во времена Забелина сложилась ситуация, когда абсолютно господствовала одна теория — норманнская, сторонники же другой подвергались едва ли не обструкции. Отсюда — и крик души Ивана Забелина. «В рассуждениях и исследованиях о том, — писал он в предисловии, — откуда что взялось в русской старине и древности, оказывается, что русский своего ничего не имеет: все у него чужое, заимствованное у финнов, норманнов, татар, немцев, французов и т. д. Русская страна для русского, как свидетельствует история, — чужая страна».

Впрочем, книга «История русской жизни с древнейших времен» — это не только и не столько противодействие норманнской теории. Это попытка показать становление древнерусской государственности через историю народа, всего народа, а не только его правителей, как это обычно было принято в тогдашней историографии. И эта задача буквально захватила историка. Не случайно, говоря об этой своей работе, Иван Егорович писал С. Г. Строганову, своему покровителю, государственному деятелю и известному меценату: «Задача для меня так важна и любопытна и представляет в науке такой достойный вопрос, что по необходимости я посвящаю ей каждую минуту и желаю только, чтобы на обработке этой задачи протекла и вся остальная доля моей жизни».

...История народа не начинается по прихоти случая, оставляющего о народе письменные свидетельства только от известного года. И до этого года проходила свой путь та же история, о которой мы ничего не знаем только по случаю недостатка письменных свидетельств.

И. Забелин

ХРАНИТЕЛЬ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Иван Егорович Забелин появился на свет 17 (29) сентября 1820 года в Твери. Его отец, Егор Степанович, в свое время окончил духовную семинарию, но выбрал светскую карьеру и служил писцом в Казенной палате; мать, Авдотья Федоровна, работала экономкой. Через год Забелины переехали в Москву. В 1827 году Егор Степанович скончался, в итоге и без того не самое благополучное финансовое состояние семьи стало совсем катастрофическим. Иван фактически был предоставлен сам себе, он бродил по московским улицам, лазал по подвалам, иногда прислуживал в приходских церквях — это был способ небольшого заработка. Часть денег мальчик отдавал матери, а часть тратил на небольшие книжечки, которые он покупал в лавочке у Лобного места. Ему особо запомнилась первая — «Булат-молодец». «Дрожащими руками я ухватил дорогую книжечку, — вспоминал Иван Егорович, — и побежал домой. Сказка доставила мне величайшее удовольствие и картинками, и чтением».

Детство и юность, как бы это не звучало банально, определяют характер человека и формирование его как личности. И Иван Забелин не был в этом плане исключением. Неустроенность и бедность привели его к желанию жить размеренной и надежной жизнью. Это касалось и повседневности, и его исторический предпочтений, симпатий и антипатий.

В 1832 году Иван был принят в Преображенское училище при Екатерининском сиротском доме — государственном приюте для детей-сирот. Это было одно из лучших заведений подобного рода, ведь в нем учились дети и из дворянских семей. С одной стороны, как вспоминал Иван Егорович, «страх и трепет господствовали у нас как особая стихия нашего учения и поведения, как особая атмосфера нашего существования, чему немало способствовали всегдашние обычные розги». С другой — были и светлые моменты: прогулки по Сокольникам, купание в Яузе, экскурсии в Оружейную палату. А также — увлечение историей. Иван с упоением читал труды Плутарха и Карамзина, исторические романы Вальтера Скотта, Вельтмана, Лажечникова, Загоскина. Увлекался он и поэзией и даже сам занимался стихосложением.

Благодаря своим способностям и успехам в учебе юноша имел возможность поступить в гимназию, однако на это не было денег. И поэтому в 1837 году Иван Забелин стал канцелярским служителем 2-го разряда в Оружейной палате; здесь хранились дворцовые архивы — одно из богатейших собраний документов по российской истории XVI—XVII веков. Это назначение в итоге и предопределило его судьбу.

В Оружейной палате Иван занимался сбором и подготовкой документов для известных историков П. М. Строева и И. М. Снегирева. Зарабатывал он немного, и поэтому после службы давал частные уроки. В свободное же время совершал

прогулки по Воробьевым горам, ходил в гости к друзьям, с которыми вместе «сживали в Александровском саду на лавочке или шествовали по большой аллее, в спорах о разных литературных предметах, кто во что горазд, наблюдая вместе с тем публику, особенно красоту девиц».

Примерно в то время, когда Иван Забелин поступил на службу в Оружейную палату, в ней началась инвентаризация коллекций и архивных материалов. Эта работа — кропотливое переписывание и изучение исторических документов — пробудила в юноше интерес к русской старине и истории вообще. В 1842 году в «Прибавлении к “Московским губернским новостям”» была опубликована первая статья И. Е. Забелина — она была посвящена поездкам русских царей на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В целом это направление — изучение быта и жизни царского двора, его обычаев и обрядов, — стало одним из главных в научной деятельности историка.

* * *

Жизнь шла своим чередом. Ивана Забелина все больше поглощала история, но и обычные человеческие заботы и радости были ему не чужды, по своему характеру он не был затворником и книжным червем (хотя читал, безусловно, очень много).

В середине 1840-х годов Иван Егорович сочетался браком с Марией Петровной Андроновой, дочерью коллежского асессора, ветерана Отечественной войны 1812 года. Этот брак нельзя назвать абсолютно идеальным, хотя, безусловно, Забелин любил жену, и она отвечала ему взаимностью. «Усладите теплотою весны заглохшую душу, блесните на нее лучом любви вечной, нераздельной», — так в 1844 году поэтически обращался в письме Иван к Марии, тогда еще невесте, в период временной разлуки. Мысль о свадьбе и связанных с ней обрядов пугала Забелина и он делился этими мыслями с будущей женой: «Я бы теперь желал улететь с вами в какую-нибудь пустыню, дальше, дальше от людей и от всех забот и требований света... Для любви так мало надо материального». Уже непосредственно перед свадьбой он буквально восклицает в одном из писем: «Какие смешные слова! Муж! Жена! Как звучит несносно! Куда бы спрятаться? Так и пахнуло мраком и холодом и сыростью тюрьмы! Так и слышатся в этих словах страшные

звуки цепей. Но почему же идут все замуж? Что за радость?»

Свадьба, тем не менее, состоялась. Забелины жили совсем небогато. «Если бы не бедность, загородившая дорогу, я бы сделал гораздо больше и гораздо раньше», — с грустью отмечал на склоне лет ученый. Гонорары приходилось отстаивать буквально с боем, «в каждом моем рубле, — писал И. Е. Забелин, — есть моя собственная кровь».

У Ивана Егоровича и Марии Петровны было восемь детей, однако детский возраст из них пережили только две дочери — Анастасия (1849—1896) и Мария (1851—1920). Дочери помогали отцу в работе, а Мария Ивановна оставалась с отцом до последних дней его жизни и была его душеприказчицей.

* * *

Естественно, чтобы всерьез заниматься историей, Ивану Забелину необходимо было восполнить пробелы в образовании. «Хотелось знания, хотелось учиться», — записал он однажды в своем дневнике. Для этого Иван прослушал курс лекций в Московском университете. Особенное влияние на его дальнейшее мировоззрение и отношение к истории оказал курс Т. Н. Грановского, декана историко-филологического факультета университета. Воспоминания свидетельствуют, что Иван Забелин на всю жизнь сохранил благодарность Грановскому за проявленное внимание и помощь.

Поддержку Ивану Забелину оказывал также попечитель Московского учебного округа и председатель Императорского общества истории и древностей российских (ОИДР) государственный деятель и меценат граф С. Г. Строганов. При его содействии в 1847 году молодой ученый стал членом-соревнователем ОИДР, а в 1851-м — действительным членом общества. В 1848 году И. Е. Забелин получил должность помощника архивариуса в Московской дворцовой конторе при Министерстве императорского двора, в 1856-м он стал архивариусом. Также в 1850-х годах Иван Егорович преподавал историю и археологию в Константиновском межевом институте.

К середине 1850-х годов Забелин являлся автором более 40 публикаций, его имя было хорошо известно в исторических кругах. Но при этом представители «научного бомонда» зачастую воспринимали его как «забавный курьез»,

«небесталанного самоучку», но не как серьезного ученого. А ведь статьи Ивана Егоровича отличались новизной и незаурядной обработкой материала, глубоким анализом и проработкой фактов — и это было признано. «Рыться в архивах, разыскивать археологические мелочи не трудно даже при недостатке образования,— отмечал правовед, историк и философ Б. Н. Чичерин.— Трудно из этих мелочей воздвигнуть стройное здание, правильно освещенное, проникнутое мыслью, а это сделал Забелин». И тем не менее для многих представителей московской профессуры Иван Егорович оставался самоучкой с пятью классами образования в Богдельном доме. И только к концу жизни Забелину удалось переломить это мнение.

* * *

Как видим, карьера И. Е. Забелина развивалась не слишком быстрыми темпами. В определенной степени поворотный момент в его жизни произошел в 1859 году, когда ученый был переведен на службу в Императорскую археологическую комиссию и впервые в своей жизни получил возможность заняться полевой работой.

С археологией Забелин был связан еще с начала 1850-х годов. Его работа «О металлическом производстве в России до конца XVII века» получила премию в 300 рублей от Археологического общества. Вскоре еще один труд Ивана Егоровича — «Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела» — был отмечен наградой, а сам ученый стал членом Археологического общества.

Но это были теоретические исследования. Вообще же, при всей любви к истории и чтению, кабинетная работа стала утомлять Ивана Егоровича. «Новые порядки,— вспоминал он,— которым подверглась контора, когда на меня возложили огромный канцелярский труд — разборку и приведение в новое устройство канцелярской писаной бумаги, которой хранится в архиве целые миллионы листов, большей частью годных на макулатуру для бумажных фабрик».

Именно поэтому Забелин с радостью воспринял предложение С. Г. Строганова перевестись на новое место.

Ивану Егоровичу было поручено вести археологические раскопки на местах древних греческих городов на юге России, в Поднепровье, Северном Причерноморье. В 1862 году экспедиция

под его руководством обнаружила в Чертомлыцком скифском кургане, недалеко от г. Никополь, уникальные предметы, датированные IV веком до н. э. Результаты этих раскопок были опубликованы в многочисленных статьях и были восторженно встречены коллегами-историками. Неслучайно Забелина называли «основателем историко-археологического направления» в российской историографии. В 1864 году ученый награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

В 1860-х годах были опубликованы работы И. Е. Забелина, посвященные повседневной жизни царского двора, — «Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях» и «Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетиях». Эти книги стали своеобразной визитной карточкой ученого, они неоднократно переиздавались и были отмечены целым рядом премий и наград. И. С. Тургенев, ценивший талант Забелина, писал ему: «Я убежден, что ваша книга будет истинным подарком для всякого русского. Ни у кого не нахожу я той ясной простоты изложения, того русского духа (в хорошем смысле этого слова), которые мне так нравятся в ваших вещах».

Вообще Иван Егорович был плодовитым автором — всего он написал более 350 книг и статей. Еще одной заметной работой стало двухтомное издание «Опыты изучения русских древностей и истории» (1872—1873), в котором ученый поместил свои лучшие статьи и очерки, написанные на основе архивных документов.

В 1876 году И. Е. Забелин принял решение уволиться из Археологической комиссии и уйти в отставку. «Имея полную возможность работать за письменным столом,— писал он С. Г. Строганову,— я уже не нахожу в себе способностей, чтобы с прежнею ревностью и с прежним успехом поднимать труды, заботы и беспокойства, неустранимые при раскопках и расследованиях древних курганов». Его просьба была удовлетворена; ученому был присвоен чин IV класса и пенсия в 1200 рублей в год. Иван Егорович ушел со службы, но, естественно, не собирался прерывать свои исторические исследования.

* * *

Признание со стороны коллег и ученых организаций — важная часть в жизни ученого. Иван Забелин достаточно долго был лишен этой

привилегии, но в 1870-х годах его заслуги перед исторической наукой наконец-то были оценены должным образом. В 1871 году Киевский университет святого Владимира присвоил ученому степень доктора русской истории.

В ту пору исследования Ивана Егоровича касались в основном эпох Киевской Руси и становления Русского государства. И естественно, что он не мог остаться в стороне от главного научного спора в российской историографии — противостояния норманнистов, считавших, что племя русь произошло из Скандинавии в период экспансии варягов (их в Западной Европе называли норманнами) и антинорманнистов, отрицавших глобальность этого влияния. И. Е. Забелин был убежденным противником теории «пустого места», на которое якобы пришли варяги. Этому, равно как и проблемам становления Русского государства, была посвящена вышедшая в 1876—1879 годах книга «История русской жизни с древнейших времен», которая и стала основой нашего издания.

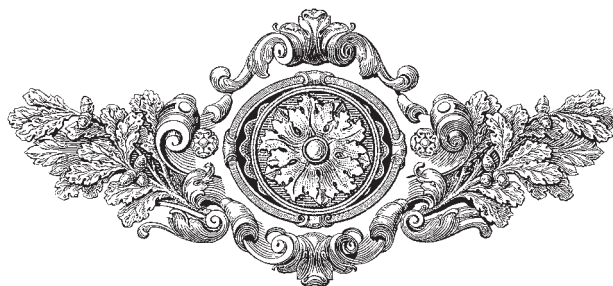
В 1879 году Ивана Егоровича избрали председателем Московского общества истории и древностей. Спустя год он стал официальным историографом Москвы — Московская городская Дума пригласила Забелина руководить созданием научного описания истории города. Эта работа буквально захватила Ивана Егоровича. В 1884 и 1891 годах увидели свет написанные под его редакцией «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», содержавшие целый пласт совершенно ранее неизвестных данных. А в 1902 году была опубликована книга И. Е. Забелина «История города Москвы», которая не только имела успех у публики и признание

коллег-историков, но и получила золотую медаль Московского археологического общества.

В 1884 году И. Е. Забелин был избран членом-корреспондентом Академии наук. В том же году, после смерти графа А. С. Уварова, Иван Егорович был назначен помощником председателя недавно открытого Исторического музея великого князя Сергея Александровича.

Известный филолог и фольклорист Михаил Несторович Сперанский вспоминал, говоря об Историческом музее той поры: «Многих привлекало не имя музея, а имя Забелина, шли к нему». Став фактически главой музея, И. Е. Забелин оказал огромное влияние на развитие его экспозиции, благодаря его стараниям Исторический музей стал одной из ведущих музейных организаций страны. Во время его руководства музеем были оформлены Новгородский, Владимирский, Суздальский залы. О работе И. Е. Забелина наглядно говорили и цифры: если в 1885 г. фонд музея насчитывал 9866 экспонатов, то к началу 1902 г. — 39 551. Для самого же Ивана Егоровича музей стал смыслом жизни. И даже в своем завещании он написал следующее: «Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марию Ивановну Забелину и Императорский Российский Исторический музей имени Александра III, поэтому в случае кончины моей дочери все наследство без всякого исключения да перейдет в собственность сего Исторического музея...»

Несмотря на преклонный возраст, Иван Егорович продолжал плодотворно работать до последних дней своей жизни. Скончался он 31 декабря 1908 года (13 января 1909 г.) в своем московском доме.

TOM I

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая книга составляет вводную часть к труду, который, как дальнейшего развитие изысканий автора по истории русского домашнего быта вообще, был предпринят благодаря живому участию в этом деле покойного Василия Андреевича Дашкова*, предложившего этот труд автору еще в 1871 году с необходимыми материальными средствами для выполнения работы и для ее издания.

Заглавие книги вполне обозначает цели и задачи настоящего труда. Но выполнение этих задач, конечно, требует не тех сил, какими обладает автор. Его работа, во всяком случае, будет только попыткой уяснить себе эти самые цели и задачи, ибо легко ставить вопрос и вовсе не легко самим исследованием определить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятие о жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопределенно, поэтому немалый труд для исследователя заключается уже в одном только раскрытии основных положений, способных пролить какой-либо свет на необозримый материал, оставленный прожитой жизнью.

Жизнь народа в своем постепенном развитии всегда и неизменно руководствуется идеями, которые дают народному телу известный образ и известное устройство. Историки стремятся найти такие идеи в общей жизни народа, в его политическом или государственном и общественном устройстве. Но мелочный повседневный частный быт точно так же всегда складывается в известные круги, имеющие свои средоточия, которые иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкие круги народного быта не могут составлять предмета истории в собственном смысле, то для истории народной жизни они суть прямое и необходимое ее содержание. Раскрыть эти частные мелкие жизненные идеи — вот, по нашему мнению, прямая задача для исследователя народной жизни. Но само собой разумеется, что допытаться до этих идей возможно только посредством разнородных и разнообразных свидетельств самой же исчезнувшей жизни. Здесь и представляется беспредельное и необозримое поле для изысканий, на котором вдобавок не все то возделано, чего требует именно история жизни.

Вместе с тем изыскателя русской бытовой древности на первых же порах изумляет то обстоятельство, что русский человек относительно своей культуры или исторической и бытовой выработки и в ученых исследованиях, и в сознании образованного общества представляется, в сущности, пустым местом, чистым листом бумаги, на котором по воле исторических, географических, этнографических

---

* *Василий Андреевич Дашков* (1819—1896) — этнограф, меценат и коллекционер; вице-президент комиссии по сооружению храма Христа Спасителя. (*Здесь и далее, если не указано иное — примечания Редакции.*)

и других всяких обстоятельств разные народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и искусства, даже народные эпические песни и т. д., то есть всякие народности, как бы не было незначительно их собственное развитие, являлись, однако, образователями и возделывателями всего того, чем живет русское племя до сих пор. Так все это представляется простому читателю, приходящему в пантеон нашей последовательности, так сказать, со свежего воздуха, от простого здравого смысла.

В самом деле, до сих пор достоверно и без боязни никто не может сказать, находится ли что в русском быту собственно русское, самостоятельное и самобытное. В рассуждениях и исследованиях о том, откуда что взялось в русской старине и древности, оказывается, что русский своего ничего не имеет: все у него чужое, заимствованное у финнов, норманнов, татар, немцев, французов и т. д. Русская страна для русского, как свидетельствует история, — чужая страна. Он откуда-то пришел в нее сравнительно в очень позднее время, чуть не накануне призвания варягов, ибо до прихода Рюрика нигде не видать, даже и в курганах, никакого следа русской древности. Да и в Рюриков век виднеются все одни норманнские, или финские, или другие какие следы, но отнюдь не русские, в смысле русского славянства. А между тем, благодаря даже Всемирной выставке в Париже, на которой боязливо было представлено на общий европейский суд так называемое русское древнее искусство (орнамент), рассудительные и знающие европейцы с особенным вниманием и любопытством отнеслись к своеобразию и самобытности этого искусства и засвидетельствовали, что до сих пор ничего подобного они не примечали нигде. С того времени мало-помалу в Европе стала расти мысль, что в ряду самобытной выработки искусства у разных народов есть, существуют признаки и самобытного русского искусства. Очень может случиться, что об этом впервые со всеми подробностями и со всеми доказательствами мы узнаем от французов или немцев, ибо собственными исследованиями до такой непредубежденной истины дойти нам очень трудно. Наш ученый исторический и археологический кругозор стеснен до крайности. Дальше варягов в образе норманнов и кроме таких варягов мы ничего не можем рассмотреть. Между тем варяги-нор-

манны, сколько бы их ни изучали, в сущности, объясняют весьма немногое и в нашей истории, и в нашей археологии. В этом очень скоро и легко убеждается каждый изыскатель, доходящий в своих изысканиях до этого знаменитого тупика нашей исследовательности. Вот непосредственная и первая причина такого множества мнений о происхождении Руси. Естественно, что та же причина заставила и автора настоящей книги отдать этому вопросу не последнее место. Быть может, увлекшись, он погрешил по этому поводу на многих страницах своей книги. Но этому варяжскому вопросу он придает большое культурное значение, как первому участнику в постройке на известный лад не только ученого, но и общественного воззрения на русскую древность и даже на русскую народность вообще.

Этот варяжский вопрос, стороной своего норманнского решения, яснее и достовернее всего свидетельствует, что русский человек в своей истории и культуре в действительности есть пустое место. Одно такое решение заставляет снова пересмотреть все то, на чем утверждается эта истина, ибо как-то не верится, чтобы здесь именно находилась вся правда нашей русской исторической жизни*. Вот почему вслед за объяснением, «откуда идет русское имя», автор должен был представить, соответственно своим силам, короткий очерк «Истории Русской страны с самых древних времен». Такое именно введение в историю русской жизни он посчитал решительно необходимым и неизбежным, руководствуясь той простой истиной, что корни всякой исторической жизни всегда скрываются очень глубоко в отдаленных веках.

Вступив в эту древнейшую область с целью уяснить себе только русскую доисторическую старину, автор, конечно, не успел, да и не мог воспользоваться многим, что даже прямо относилось к его задачам. Он может только желать, чтобы на этот предмет обратил надлежащее внимание исследователь, более сильный познаниями в этой области и более знакомый с источниками.

* Приступив к печатанию своего труда еще в октябре 1875 года, автор относился теперь уже к покойному М. П. Погодину по необходимости спорно и с надеждой выслушать от него о варягах решительное слово, тем более что окончательные мнения достоуважаемого ученого склонялись отчасти в ту же сторону, где и автор этой книги предполагает найти истину. (Примеч. автора.)

История Русской страны до варягов — в настоящую минуту необходимейшая книга, если обратить должное внимание на те требования, какие день за днем ставят науки антропологические.

«Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим».

Эти золотые слова сказаны уважаемыми нашими академиками Бэром и Шифнером еще в 1861 году по тому поводу, что «у нас,— как они заметили,— со времен Карамзина ревностно занимаются той частью отечественной истории, которая основывается на письменных памятниках (и которая, необходимо прибавить, идет только от варягов); но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, именно курганные древности, оставляют в сыром виде без надлежащей разработки».

Действительно, рассыпанные по нашей земле курганные древности скрывают в себе истинную, настоящую колыбель нашей народной жизни. Но они так разнообразны и разнородны и относятся к стольким векам и племенам, что сколько-нибудь рассудительная обработка их не может и начаться до тех пор, пока не будут собраны и сведены в одно целое именно письменные свидетельства об этих же самых курганах, то есть о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались. Каким образом мы станем объяснять курганные древности, когда вовсе не знаем или знаем очень поверхностно и неверно письменную историю нашей колыбели? Естественное дело, что прежде всего необходимо выслушать все рассказы, какие оставили нам о нашей колыбели античные греки и писатели римского и византийского веков. Это откроет нам глаза, способные с большим вниманием видеть и ценить немые памятники нашей колыбели, это же откроет новые двери и к разъяснению не только древнейшей нашей истории, но и многих поздних ее явлений и обстоятельств.

По общему плану своего труда автор не имеет ни сил, ни возможности входить в особые ученые исследования по всем тем вопросам, какие могут возникать и рождаться из самого заглавия его книги. Он предполагает ограничиваться только наиболее существенными сторонами русской жизни, дабы, по возможности, провести

свое обозрение русской истории до ближайших к нам времен. Он достигнет своей цели, если, хотя и в коротких очерках, успеет обозначить главнейшие корни и истоки русского развития, политического, общественного и домашнего, в его существенных формах и направлениях, с раскрытием его умственных и нравственных стремлений и бытовых порядков.

Так предполагал автор, но другие столь же и еще более неотложные занятия увлекли его на иной путь разысканий и расследований.

С того времени как вышло в свет первое издание этой книги, многие вопросы нашей древности, в особенности курганные расследования, ознаменовались великим накоплением голых фактов и рассуждений, более или менее верных, а в иных случаях способных доказывать как истину самые противоречивые мнения и заключения. С большим усердием мы вскрыли и постоянно вскрываем могилы древних обитателей нашей страны и все-таки достоверно не знаем, наши ли это предки или они чужеродны. История оставила нам множество народных имен, среди которых должны находиться и имена нашего русского славянства. Прямых свидетельств этому не имеем. Но косвенных указаний немало.

Пользуясь такими указаниями, автор принял попытку объяснить невнятные имена соответственно их географическому положению, что и было исполнено в третьей, ныне шестой, главе его труда. При этом автор должен выразить глубокую благодарность В. Н. Щепкину за переводы некоторых глав «Географии» Птолемея.

По обстоятельствам, не имея возможности воспользоваться накопленным сокровищем новых исследований, указаний, толкований, автор оставляет свой труд в прежнем виде и объеме, исправив встреченные погрешности и дополнив некоторые главы новыми сведениями и свидетельствами древних писателей, везде преследуя основную цель своих изысканий — раскрытие истории пребывания древнего славянства в пределах нашей Русской страны.

В высокой степени заботливо и усердно помогала автору в печатании этого второго издания предлежащей книги его дочь Мария Ивановна, которой он приносит сердечнейшую благодарность.

По убеждению автора, внимательное изучение свидетельств и показаний древней геогра-